

ныхъ вопросовъ, которые затронулъ Л. Н. Толстой въ романѣ „Воскресеніе“. Въ настоящую минуту мнѣ хотѣлось бы предварительно коснуться существующихъ толковъ, по поводу этого замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ, гениальнаго произведенія. Я нахожу, что означенные какъ печатные отзывы, такъ и частные разговоры, во-первыхъ, противорѣчивы, во-вторыхъ, неискренни. Они не отвѣчаютъ прямо на запросы автора, суть которыхъ, какъ справедливо сейчасъ замѣтилъ Рогожинъ, заключается въ слѣдующемъ: правильно ли настоящее, занимаемое нами, положеніе въ жизни? вѣрны ли вообще нашъ жизненный кругозоръ? Это, по моему, самое важное, это то, какъ увидимъ ниже, что желалъ сказать авторъ устами своего главнаго героя, кн. Нехлюдова. Остановившаяся на личности сего послѣдняго, вижу, что Нехлюдовъ, одинъ изъ тѣхъ новыхъ типовъ, которые, правда, еще рѣдки, они только что пробиваются на свѣтъ Божій, по которымъ, однако, суждено, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ поднять упавшій духъ нашей интеллигенціи, указать ей иныя формы жизни, чѣмъ тѣ, изъ которыхъ сами вышли, вкусивъ до пресыщенія заманчивыхъ снаружи, но вредныхъ для духа—плодовъ этой развращенной, ложной жизни. Нечего говорить, что Н—въ данномъ случаѣ далеко не походитъ на обыкновенные типы „недовольныхъ людей“, подъ какую категорію причисляетъ его поверхностная фельетонная критика, и которыхъ особенно изобильно расплодилось на почвѣ барства въ пореформенное время. Онъ не подходитъ ни къ Печорину, ни къ Чацкому и ни къ кому изъ такъ называемыхъ передовыхъ людей, онъ именно новый типъ...

— Напротивъ, я нахожу много общаго съ означенными передовыми дѣятелями,—сказалъ, приподнимаясь изъ-за стола и приближаясь ко все болѣе и болѣе увеличивающейся группѣ спорящихъ около шкафа, господинъ лѣтъ 30, сутуловатый, худой, съ жиденькими, русыми всклокоченными волосами и съ обозначавшейся широкой лысиной на темени. Господинъ этотъ, повидимому, былъ изъ числа „нервныхъ“. Когда онъ заговорилъ, то сразу на нѣсколько тоновъ повысилъ голосъ, не соответственно съ развитіемъ хода своей аргументаціи. Въ продолженіе всей рѣчи сѣрые глаза его искрились задоромъ, а на тонкихъ губахъ едва замѣтно мелькала проницательная улыбка.